

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1919

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕВВОЕН. СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ.

АНКЕТА.

Просим товарищей читателей ответить на следующие вопросы.

Нравится ли Вам наш „Красноармеец“?

Что в нем хорошо и что плохо?

Укажите статьи, стихи и рассказы, которые Вам нравятся.

Какие не нравятся?

Хотите ли Вы, чтобы в нем было больше статей или больше рассказов и стихов?

Какие статьи Вас интересуют:

- 1) О программе коммунистической партий?
- 2) О том что делается в Советской России (в городе и деревне)?
- 3) О том что делается за границей?
- 4) О том что делается у белогвардейцев?
- 5) О войне?
- 6) О жизни Красной Армии?

Какие рассказы для Вас интересны: из жизни тыла или из жизни фронта?

Какой рисунок в этом номере Вам больше всего нравится?

ОТ РЕДАКЦИИ.

Товарищи красноармейцы!

Поддерживайте связь с вашим журналом! „Красноармеец“ будет журналом интересным и полезным только в том случае, если сама Красная Армия будет питать его.

Посылайте в редакцию (Москва, Сретенский бульвар, 6) описания вашей жизни, разных случаев на фронтах, посылайте рассказы, стихи, фотографии. Будьте не только читателями „Красноармейца“, но его участниками, его творцами.

„КРАСНОАРМЕЕЦ“

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

№ 6.

Август 1919 г.

№ 6.

Вражья сила.

Рассказ Ив. Касаткина.

С шумом и громом отзвенели в горах буйные речушки, топи и хляби весенние...

Серебряный говор речек скоро вошел в берега, заточился под корневища зеленых лесных великанов. Топи и хляби стали подсыхать.

Наконец-то открылись дороги. И сразу же по всем селениям прошел слух, что там, за хребтиной седого Урала, враг собирает на нас большие силы.

Сгнула сонная одурь. Зашевелились селения. Красноармейские части подтянулись. Начались вылазки туда-сюда, поиски разведчиков.

Места тут были глухоманные, дороги неудобные, чугунка не близко, почта еще дальше. Поэтому слухов и разговоров—ступа не протолченая...

Одно слово,—за вешнее бездорожье враг дюже подготовился и теперь гонит сюда несметные силы!

Отряды в этих местах и в прошлом году были почти сплошь из добровольцев. Моло-

дежь так и оставалась в своих частях безотлучно. Матерые же бородачи, отлежавшись за зиму на печках, теперь наладили кой-что по весеннему хозяйству, задали бабам наказы: что и как править около дому—и дружно двинулись в свои отряды. Все под ружье!

Не выдержал, увязался за мужиками и бельмастый дед Никита, по прозвищу Козья Милость, первейший лесовик-охотник из Кедровки. Все норы и тропы Приуралья знает, ему уже за семьдесят. Зверя и птицы в прежние годы бивал видимо-невидимо.

Козьей Милостью окрестили его с тех пор, как перестал бить коз, Устрелил раз в горах козу, да не на-повал. Подошел к ней, а она как заблеет, забякает будто ребячьим голосом, и этак по человечьи, таково жалостливо в упор на Никиту глянула... С тех пор—шабаш бить коз! Так и прозвали его: Козья Милость.

Молодежь в отряде подтрунивала:

— Эй, дедушко, как же ты теперич на человека пошел, коли не можешь даже животную стрелить? Эх, мя-кишь!..

— Вы, ягодки, еще зелены, штоб понимать это,—откликнулся Никита, весело моргая бельмастым глазом: когда-то неудобно пруттом хлестнуло.—Всякая животная бывает... По Сибири пошастал я в свое удовольствие... всякого зверя видывал... Ну только хуже зверя, как купец да богатый мужик сибирский,—не найти, не-ет! Ты и мигнуть не успеешь, как он те вскочит на холку... Известные кровососы! И к тому же, этот самый, ядрена палка, еперал-то... Колочак, подзуживает. У их заодно...

— Все же люди!—не унимались зубоскалы.— В кажинном человеке душа, а не пар... Неужто палить зачнешь?

— В зубы глядеть не буду.. И вам, ягодки, не советую!

— Да ты вникни... ведь не купец по прет, а наш брат, мужик!..

— А идите вы ко псу! уже серчал старик.— Разбирайся там, где рыба, где мясо... Сказа-

но: вражья сила! Напрет она, обдерет тебя наскрозь, да еще и на осину вздернет: не ворошись! Известно, споконь веков вражья-то сила нашими же мужицкими руками противу нас действовала!.. пока мы были неумытые хари, дуботолти, рабья кость! А раз ты слободный, взял управу над собой в свои руки... тут уж, ягодка, держи-ись! Гаду в пасть не поддавайся! Ходи, ядрена палка, козырем!

Так и шли дни.

Дедко Никита, Козья Милость, не признавал никаких поблажек своим годам, везде первый: и на дежурстве и в разных очередях. А на учебе и по стрельбищу—поискать такого ловкача! Винтовка у него своя, дедовская. Погрохотала она за свой век в этих лесах, потепила охотничье сердце!

Только об одном печалился старик: штык, видишь ли, к ней никак не приладишь, приспособленья нет...

Между тем, уже не по слухам, силы противника, начали появляться неподалеку. В ближних районах, в стороне чугунки, были первые стычки...

По донесениям связи, нужно было ухо держать остро: враг чинит свирепую мобилизацию и переваливает главные свои силы через Уральский хребет.

Значит, Сибирь матушка двинулась, хлебные брюха!

Козья Милость, старый хрен, как его ни уговаривали, наклепался-таки и ушел вместе с сорвиголовой молодежью держать самый дальний, передовой пикет. Любили его зубоскалы. Да и как откажешь: полезный старичишка, все тропы знает, всякую приметку нюхом чувствует.

Основались они в лесу, при речке, в заброшенной смолокурне.

Подобралось восемнадцать человек, молодец к молодцу. Тимоха Бровкин, стариков племяш, с Пеганкой, коня прихватил, чтоб, в случае тревоги, поживее скакать—вестить свою часть, от которой отмахали верст за двадцать.

Хорошо в это время в лесу!

По вечерам вдоль речки соловьи так и ахают... Этаким синим туман обволакивает вдаль лес, будто дым. В припеки смолиной—не продыхнешь, а зелень, травы всякие так на глазах и прут из-под земли... Ночью же ближе к зорьке

зачнут со всех сторон чуфыкать да играть тетерева, защелкает, заскрипит, зафырскаяет глухарь а в даях вдруг ударит малиновый звон журавлиных стай... Хорошо!

Козья Милость со своей прокопченной винтовкой неизвестно когда и спал. Увязывался во все наряды, не пропускал ничьих очередей...

В этих глухотных местах он, как дома. Выходило так, что Никитушка—и кашевар хороший, и разводящий, и в роде как бы и начальник над всеми.

— Вставайте, ядрены палки! — будил он всех к заходу солнца, пробуя на пылающем тагане вариво.—Пишша готова, эй! Тетери... вот окачу вас студеным... вскочите!

Ели, весело погоготывая над стариком, брали еще с собою хлеба и в ночь закатывались в лес и вдоль приречной долины—в дозор, вражью силу высматривать.

Козья Милость непременно впереди. Шагает спорко, бесшумно, будто катится...

Охотничья у него на все сноровка: там нагнется, травку сорвет, понюхает, там на ходу затесинку на дереве сделает, а то вдруг встанет, к уху ладонь воронкой, и слушает...

Получилась из части во все стороны спешная весть, что враг как будто затеял глубокий обход, чтобы разом вынырнуть и ударить на важную узловую станцию чугунки. И, дескать, есть приметы, именно глушиной, где дозорят наши восемнадцать, ударились большие отряды неприятеля.

Быть на-чеку!

— Гляди в оба, зри в три!—шутили ребята.—По-осмотрим кто кого ловчее об'егорит!..

По этому случаю Козья Милость даже ружье свое вычистил и промазал салом. Потом на речке вымыл свои портки и рубаху.

— Дедко!—спрашивали его,—аль жениться собираешься?

— И то, ягодка, жениться и есть,—откликнулся дед, расчесывая гребешком бороду.—Вот как попрут белые-то сваты... всех женят! Скрутят, за милую душу...

И вот что случилось вскоре.

Как-то, в полдень, когда почти все наши спали, Никитушка, по обычаю своему, пошел бродить с ружьишкой в лес.

Отковылял с версту, и вдруг слышит: го-

мон... Прижухнулся, насторожился по собачьи... Чудное дело: гомонят во всю зеленую. Не птица, не зверь, не ветер... яственно доносит: человечьи голоса, и много их, да, ведь, как орут! Что за притча? Будто на пожаре, иль бестолковую песню вопят. Ежели неприятель, то он должен норовить ночью, да и то с опаской... В чем дело?

Шум был далеко. Но заколотилось стариковское сердце. Вперед ли еще податься—подсмотреть, что там за оказия, или же бежать назад, оповестить своих?

Взяло верх охотничье любопытство: подсмотреть, а там, что будет.

Двинулся вперед. И сразу же заметил,—шум тоже быстро надвигался на него.

А через малое времячко он уже ползком, на брюхе и всяко, проворно забирал в сторону, чтобы не влопаться врагу в лапы, чтоб не-замеченному вскочить и бежать скорее к смолокурне.

Да не рассчитал, попал в болотину, замешкался. Угрузнул выше пупа...

А тем временем, пока он гваздался, продираясь на ту сторону болотины, по лесу ясно гремела песня во множество глоток. Неслись залихватские, озорные выкрики, трещал валежник под ногами...

Доцарапавшись до материка, мокрый, весь в зеленой тине, как леший, Никита во весь дух припустился к смолокурне.

Мельком, на бегу, видел он вдаль, за стволами сосен, быстродвигающаяся, тоже в сторону смолокурни, толпы людей.

Тут уж долго разглядывать было некогда. Точно по сердцу резануло старика острое, переливчатое сверканье штыков в полдневном солнце...

Все, что случилось было, дальше—все это было как во сне...

Никитушка бомбой вломился в зимницу в ту минуту, когда те, горластые песенники, уже заметили людское жило, красный флажок на смолокурне, и раскатисто, так что в горах отдалось, грянули „ура“...

— Вставай, ядрены палки!..—хрипел и метался старик.—Вражья сила!.. Э-хх, ядр... Тимош!.. скажи вестить!..

Где уж там скакать. Проворонили!..

Сонные, бросились все к винтовкам, сбились плотной кучей и оцетинились дулами ружей в сторону открытой двери, чтоб дорого продать жизнь и умереть на месте!

Так стояли все восемнадцать...

Зимницу, видимо, окружили со всех сторон. За стенами гудела живая лавина.

Из-за косяка в пол-лица глянула внутрь темной мурьи чья-то бородатая рожа—и от-

шатнулась, и загототала там, на солнечной лужайке:

— Го-го-о!.. Робята! тут еро-ои!.. Красное воинство тута!..

И в ответ горлопану опять загрохотало широкое „ура“, троекратно, без конца...

Из нутра зимницы было видно, полетели в воздух шапки. Опять глянула из-за косяка та бородатая рожа, за нею другие: мелькнет и, осклабясь, скроется...

И вдруг, неожиданно, как широкий тяжкий вздох, загудело:

— Встава-ай, проклятем заклея-ме-енный, Весь мир голодных и ра-бо-ов...

В избытке безудержной силы пение скомкалось, захлебнулось в радостном, бесконечном „ура“...

Во всю ширину двери заколыхался, покрывая ее, огромный алый флаг. Мелькнули в складках золотые слова: „Сибирская пехотная...“ „Да здравствует Респ...“ „Долой тиранов“!

Наши, все восемнадцать, как дятлы, завертели головами, без слов спрашивая друг друга: что это значит?..

Никитушка же вдруг решительно подался со своим самопалом вперед всех и, грозно замигав бельмастым глазом, по гусиному захипел:

— Не сдаваться, ядрена палка... Вражья сила хитра... Пали!

Приложился и бахнул в воздух.

Там, за стенами, загудели голоса:

— Робятушки! не страхайтесь!.. Свои!

— Братчики! Товарищи! Вылезай-ко!..

— Подмога прет, а вы.. Э-эх!

— Коли стрелить охота, на!.. не жаль!..

Чьи-то узловатые руки выпихнули в пролет двери толстого офицера. Руки скручены назад, а от эпюлет остались только тесемочки.

— Пали, эй!.. ежели не лень!.. Дерни для потехи!

— Го-го-го-о!..

— Хха-ха-ха!..

— Ур ра а-а!..

Потом все смешалось в такую бучу, что и не разберешь! такое только во сне снится.

Наши вышли из зимницы, и их прямо-таки подхватили на руки... Обнимке и целованью не было конца. Орала все как угорелые, радостно хлопая друг друга по спинам.

Звякали ружья, составляемые в козлы. Колыхались алые флаги, светило на них яркое солнце. Порывисто, видно что впервинку, не совсем еще складно, тут и там заводились революционные песни.

А потом срыву рывкнула гармонь,—и несколько пар ног, выделявая кренделя, хлопая

о колена фуражками, в присядку и скоком, присвистывая, завихрились на поляне...

— Кто вы, лешие?!—хлопали глазами наши, пыхтя в объятиях и увертываясь от здоревенных дружеских шлепков по спинам.

— Мы то? Всякие есть!..

— Мужики, одно слово...

— Сибирские мы! По енеральской этой самой моб... моблизации, дери их чорт!

— Решили промеж себя загодя: как перевалим горы, так и передадимся.

А тут еще к нам приставши... рабочий народ, значит.. из Офалейской округи.

— Этой ночью верст полста отмахали!.. Офицеришек-то... которых прочих, ночью.. еще в горах прикокнули!

— А досталь—вот они, строганные ляшки!.. К вашему начальству, значит.. чин-чином! Та-ам разберут!..

Под соснами, взглядывая исподлобья, придулились офицеры, человек восемь. Белобрысый парень в долгой белой рубахе, в плечах сажен, облокотясь на винтовку, их окарауливает.

А кругом—гудящий табор..

Веют большие и малые, наскоро сделанные знамена. Поблескивает на солнце оружие в козлах. Тут и там устанавливаются уже котелки. Синий дым из под них тянется далеко в гущу седого бора.

В речке, с выкриками и ядреным ржаньем,

бултыхаются голые, уставшие от перехода, тела.

Разговорам, расспросам—и конца не было!

— Погодите!—выкрикивал, махая руками, бородач, тот самый, который выглядывал из за косяка—Годи немножко!.. за нами еще будут! Силушки в Сибири много! Тут тебе перекатится и артиллерия, и кавалерия! Следом!.. Все наши дышут в одну точку!

— Буде.. помаялись!..

— Робытушки!—вдруг заорал молодой сибиряк.—Это што за кикимора зеленая? Эй, на-аши... гляньте!

— Не трожь... Это дедко наш..

Соглядал вас, да в болото и втюхался.

Ниче-во-о... обсохнет!

С самопалом в руках, прислонясь к стене зимницы, насупясь, Никитушка недоверчиво помаргивал глазом. Что у него было на душе, неизвестно. Но весь он лоснился зеленой мокретью болотной тины.. Настоящий водяной леший!

Веселые сибиряки окружили старика. Кто-то, с серьгой в ухе, облапил его,—и ну целоваться. А кто-то задумевно крикнул:

— Товарищи! Качать деда!.. Ка-ча-ать!!

Рывкнуло дружное „ура“,—и вражья сила сотнею рук подхватила Козью Милость на воздух, только лапти взыграли..

Ив Касаткин.

На посту.

Минула полночь... Стих окопный вал..

Но жутко на сердце от чуткой тишины...

В пугливой тьме грядущий день сплетал

Усталым черные и солнечные сны...

Безмолвие.. В „секрете“ впереди,

Охвачен думою ночной, солдат затих;

Винтовку верную прижал к груди,

К бойнице головой усталою приник...

О чем грустишь с винтовкою в руках...

Ты, на посту?.. Не думай в час сторожевой,

Не думай, часовой!.. Коварный враг

Разрежет выстрелом обманчивый покой!..

Я знаю: вспомнилось... Покоем деревень

И речью близких лиц волнует тихо грудь...

Но... жизни личной нет в тревожный день,

И на посту своем минувшее забудь!..

С. Обрадович.

Море.

Помню море вздымалось горами,
Ветер сосны с размаху ломал,
Море пенилось, билось... валами
Разрушало подножия скал.

Что-то рухнуло с шумом и гулом.
Зазвенело, как звонкая сталь,
И большая скала утонула,
Всколыхнув дребезжащую даль.

Буреломное море зловеще,
Издавая проклятья и стон,
Заревело обиженным лешим...
Вдруг прорвался ликующий звон..

Опьянило меня, закружило...
Только помню восход золотой.
Солнце кровью своей обагрило
Море красных знамен над землей.

Гр. Санников.

Ты хочешь МИРА, ты хочешь ХЛЕБА, ты хочешь СВОБОДЫ.—НАСТУПАЙ!

Отчего нельзя кончить войну?

Такой вопрос задает порой изголодавшийся, измученный рабочий.

Спрашивает и крестьянин, который сидит в деревне без сапог, без мануфактуры, без кос и плугов.

Тоже иной из вас, товарищи красноармейцы, задает Советской власти этот вопрос. Из дому пишут, что там нехватка в рабочих руках, у одного полоса не засеяна, у другого семян нет, третьему телегу и прочее починить нечем, поломку какую исправить—гвоздей нет, того нет, этого нет!

Вот и говорят: износились мы, обтрепанные ходим, голодные, так на кой шут далась нам она, война эта? Кончатся бы, хуже все равно не будет!

Так, товарищи, говорят несознательные рабочие и крестьяне, несознательные красноармейцы.

Сознательный человек не то говорит. Сознательный человек видит и понимает ясно, что войну вести надо.

Почему же?

Да потому, что не мы ее начали, и не в наших силах ее кончить. То-есть кончить-то войну можно, но к этому концу ведут только два пути.

Первый путь—вот какой. Пусть крестьянин скажет помещику: „Приходи, барин, опять в свое имение, владей им и правь. С нас, мужиков, снова дери семь шкур за аренду. Нанимай нас за 10 копеек подневных землю твою обрабатывать. А сам сиди в своей усадьбе или где-нибудь в Питере, Москве, за границей,—бездельничай, да доходы получай, нашим крестьянским трудом да потом выгнанные. Властвуй, гуляй вволю!“

А рабочий скажет фабриканту: „Вот тебе, скажет, твоя фабрика. Получай обратно. Снова будем по 12, по 14 часов в день работать за 40 копеек. Детей наших пошлем на завод—на пропитанье не хватает. Пусть чахнут. На работу тебе барышей,—только собирай знай. А кто из нас заболеет, того выкинешь на улицу. Спасибо на том! Мы трудиться будем, а ты, кормилец наш, по кабакам шататься да брюхо нагуливать“.

И красноармеец пусть скажет генералу Деникину, или адмиралу Колчаку, или еще там какому золотопогоннику: „Бьем тебе челом, ваше превосходительство! Вот тебе наша винтовка, больше не хотим воевать. Забирай себе Советскую Россию, нас, красноармейцев, расстреливай или заставь себе служить: затевай новую войну с кем-нибудь, а если будут бунтовать крестьяне и рабочие, бунтовать против тебя и твоих хозяев—помещиков и капиталистов, то заставь нас, бывших красноармейцев, стрелять в них, в трудящихся, в братьев наших. Приходи, ваше превосходительство, да приводи за собой господ офицеров: пусть они нас опять под винтовку ставят, по зубам бьют, да на народные денежки пьянствуют“.—

Вот какой есть способ кончить войну. Правится он вам, товарищи? Пойдете вы по такой дорожке?

Нечего и говорить, что не пойдете. Только дурак добровольно под ярмо полезет.

Значит, остается другой путь. Это—победа. Это—потрепать белых так, что больше не полезут. Это—продержаться до победы рабочих и крестьян за границей.

А нет ли серединки? Нельзя ли сговориться с врагом?

— Нет, нельзя, товарищи. Помещик хочет вернуть себе поместья. Заводчик спит и видит, как бы опять на своей фабрике сесть, рабочих вогнать в кабалу. Генералы мечтают о былой своей власти. Вся буржуазия хочет снова забрать себе все богатства, всю власть.

Это верно, товарищи, что долго тянется война. Но разве можно в один день, так здорово живешь, свалить старый, проклятый, кабальный мир? Он не только защищается, он еще и сам скалит зубы, сам нападает на нас.

Надо его добить. Надо свалить его в гроб. Осинный кол вбить, чтоб не поднялся.

А пока враг еще жив, пока он еще воюет с нами,—до тех пор войну кончать нельзя.

Это яснее ясного, товарищи.

Г. Бергман

Беда крестьянская.

В чем беда?

ЕДА крестьянская в том, что темен еще крестьянин. Царь, помещики да капиталисты, когда

стояли у власти, нарочно деревенский народ в темноте держали, чтоб легче его обманывать, чтоб разными хитроумными словами да баснями глаза его от правды отвести.

Как баре крестьянина опутали?

А правда была в том, что крестьянин царем да богатеями был, как конь рабочий, по ногам спутан. Вот и нужно было „этой скотинке“, — крестьянину то, — глаза затуманить так, чтобы он своих ног опутанных не видал. И удавалось это хитроумным барам с помощью попов сладкогласных. Одураченный и обманутый возил бедняк-крестьянин барина-богача, а когда, из сил выбившись, останавливался и упирался, урядник, — холуй баринов, — по спине его кнутом охаживал.

Так с помощью обмана и насилия вертела раньше кучка богачей-бар всей многомиллионной крестьянской беднотой.

Теперь этого уже нет: рабочие и крестьяне в октябре 1917 г., взявшись дружно за винтовки, отняли власть у бар богатых.

А все-таки темнота мешает,

Силы теперь в руках рабочих и крестьян. Нет больше пут на ногах крестьянина, но душа его все еще в барско-поповских путах. Темнота крестьянина мешает ему кругом осмотреться и зажечь по настоящему, новой, свободной жизнью. Крестьянин сейчас — что конь распутанный: привык ногами путаться и не верит, что ноги у него свободны; этакому коню бы вскачь в поле широкое, а он все по старой дорожке вокруг своей конюшни — трух, трух...

Нет барина, — есть кулак.

Не видят еще многие крестьяне, что не со всеми врагами у них дело покончено. Большой-то враг действительно убежал к Колчаку, а малый все еще тут под боком, на деревне сидит.

Это — кулак деревенский. Мошна у него потоньше, а душа не лучше. Силы у него мало, но хитрости много, и также, как помещику и капиталисту, мешает ему Советская

рабоче-крестьянская власть обирать бедный народ.

Вот и пользуется кулак темнотою крестьянина, чтобы натравить его на свою же рабоче-крестьянскую власть, и, нужно правду сказать, во многих деревнях, особенно на окраинах, в дальних и глухих местах, удается это кулаку.

Те вертели и эти вертят.

Также как раньше помещики да капиталисты с помощью обмана вертели всем многомиллионным трудовым народом, так теперь кулаки в отдельных деревнях и селах вертят крестьянами, так вертят, что вокруг пальца обварачивают.

Это кулаки сейчас говорят крестьянам: „не воюйте“.

Это они нашептывают в ухо темному крестьянину, что власть Советская — неправильная власть, и что для крестьянина одно спасение в демократической учредилке.

Это они распространяют басни про коммуны, будто в эти коммуны будут крестьян палкой, как коров на скотный двор, коммунисты загонять.

Это кулаки ратуют за отмену твердых цен на хлеб и за „вольную“ спекулянтскую торговлю.

Это они подбивают деревенские Советы прятать под сукно декреты Советской власти об обеспечении семей красноармейцев и запашке красноармейских земель и настраивают крестьянство против Красной Армии.

Это они поднимают восстания в деревнях и организуют из своих сынков, да разных шкурников, спекулянтов и дезертиров зеленые разбойничьи банды.

А что получается?

И что же получается, когда крестьяне слушаются кулаков?

Отказываются они воевать против Деникина, а Деникин не отказывается итти против них. Идет он, — и льется крестьянская кровь, и свистит киргизско-казацкая нагайка над головой крестьянина.

Помогают крестьяне в некоторых местах кулакам Советы свергнуть, чтобы на место их учредилку поставить, глядь, а эта самая кулацко-дурацкая учредилка уже мимо их носа проскользнула, и на их шее опять, как прежде, сидят помещик и капиталист.

Верят крестьяне кулаковым басням про коммуны, и слышать о них не хотят. А, между тем, от этих коммун, особенно в нынешнее время, когда в деревне большая недостача в

орудиях, лошадях, семенах, сбруе и пр., большая могла бы быть польза крестьянину. Коммуной, артелью сейчас работать было бы куда способнее: и переделов бы не было, и поля бы лучше удобрялись, и чересполосица была бы устранена, и межи бы были все распаханы, и труда и времени на все полевые работы меньше бы тратилось, и легче было бы разные сельскохозяйственные орудия приобрести и в ход пустить... Сейчас во многих деревнях и селах крестьяне прямо стонут: переделы у них каждый год, землю удобрять никому нет охоты, земля тощает и все хуже и хуже родит.

А как выйти из этой беды, крестьяне не знают.

А выход-то простой— в коммуны.

Кулаки-крестьяне натвердили в уши, что в коммунах лодари им на шею сядут.

Да, ведь, работа полевая крестьянская вся на виду: лодари сейчас себя в ней покужут. Всех их—долгой. Пускай

свою коммуны устраивают, а если от какого хитрого лодаря и будет крестьянской коммуны ущерб, так грошь этому ущербу цена. Те, которые из опаски лодарей от коммуны открещиваются, копейки считают, а сотни рублей просчитывают. Отдельное крестьянское хозяйство по сравнению с хорошо организованной коммуной—все равно, что мастерский ремесленник по сравнению с фабрикой: как прилежно ты в своей отдельной мастерской не ковырайся, а большого дохода себе не наковыряешь. Так точно и на земле. Земледельческая коммуна—все равно, что хлебная фабрика.

А от вольных цен какая выгода крестьянину-бедняку и средняку? Больших излишков хлеба у них нет. Во многих губерниях, особенно в северной и центральной России, бедняку себя прокормить нехватает, а у средняка—почти в обрез. Ну, допустим, есть у тебя хлеба кое-какие излишки. А в стране хлеба сейчас недостаток. Значит, при вольной продаже цена на хлеб будет расти. И вот сегодня, скажем, продал ты свой хлеб по дорогой цене и нажил несколько тысяч, а через месяц пойдешь ты на базар купить себе одежду

или сапоги или что другое по хозяйству и по дому,—и отдашь все, что ты нажил, да, пожалуй, своих приплатишь. Почему? Очень просто. Раз хлеб дорожает, значит рабочему для того, чтоб он с голоду не умер, надо жалование прибавить. А от этого всякий продукт, который он изготавливает (сапоги, одежда, гвозди и пр.), тоже дороже становится.

Попробуй купи,—и обожжешься также, как и рабочий на хлебе. Дороговизна от тебя пошла, но к тебе и вернулась. Сегодня ты урвал, а завтра с тебя урвут. И выходит, что ты сам себя обманываешь, когда на выгоду рассчитываешь. А от всего этого одному кулаку

выгода: хлеба у него много, и в доме и в хозяйстве у него всякого добра большие запасы. Продаст он на десятки, а то и на сотни тысяч, а купит на тысячи.

Про то же, какую беду себе крестьяне навивают, когда, послушавшись кулаков, идут против Красной Армии, и говорить не приходится.

Тут одного слова довольно: Деникин...

Не верили многие крестьяне, что Красная Армия их интересы защищает, так теперь Деникин виселицами, пулеметами и нагайками это им лучше всяких слов разъяснил. Теперь они верят и сами дезертиров вон из деревни гонят.

Надо помочь!

Вот она в чем—беда крестьянская. Тов. красноармейцы, ваше дело помочь крестьянину в этой беде. Многие из вас пришли из глухих деревень, но теперь живете вы в дружной красноармейской революционной среде. К вашим услугам: театры, лекции, митинги, книги и газеты.

Учитесь сами видеть правду и учите правду крестьян. Откройте им глаза, разоблачайте перед ними кулаковы пашни. Несите свет во тьму деревни. Завоевывайте не только землю у помещиков для крестьянина, но и душу крестьянскую для коммунизма.

Помогайте крестьянину в его беде!

Н Горлов.

* * *

Крепи, рабочий, тяжкий шаг,
Иди к победе неуклонно!
Ужель не вспыхнет красный флаг
На берегах привольных Дона?..
Ужели орды царских слуг
Раздавят вновь пятой свободу
И кровь опять польют, как воду,
Смыкая рабства тяжкий круг?!

* * *

Народ зовет:—на Дон, вперед!..
Стремятся к Дону все надежды,
Там слабый силу вновь найдет,
Голодный будет сыт, как прежде...
Еще удар,—и сломлен враг,
И станет к счастью путь короче...
Крепи свой тяжкий шаг, рабочий!
Крепи победный, мощный шаг!

П Зуев.

На Урал!

На восточной стороне Европейской России, отделяя ее от Сибири, высятся уральские горы. Они начинаются на далеком севере у Ледовитого Океана. Здесь Урал высоко поднимает свои голые, поросшие мхом да лишаями, вершины, которые называются „камнями“. Они достигают вышины в $1\frac{1}{2}$ версты. Эта часть Урала называется северной. Постепенно понижаясь, тянется Урал к югу. Склоны его, обращенные к Волге, одеты густой зеленью елей, сосен, кустов и пихт. Восточные склоны круто обрываются.

Средняя часть Урала представляет седловину. Здесь проходит железная дорога в Сибирь. Дальше к югу горы снова повышаются; здесь они покрыты богатыми лиственными лесами. Они тянутся к Каспийскому морю и постепенно теряются в степях. Склоны южного Урала очень обрывистые. Здесь много рек, озер.

Вся местность, по которой протекает Урал называется Приуральем. Это—Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии.

Населяют эту местность: русские, башкиры, киргизы. Занимаются земледелием и скотоводством, лесным промыслом и горным. Край очень богат молочными продуктами, птицей, дичью и т. п. Главное же его богатство—это то, что содержит в своих недрах старый Урал.

Он очень древнего происхождения. Восточные его склоны когда-то омывало море. Вода обтачивала их, образовывала пещеры; под влиянием воды, холодов и ветров горы разрушались, становились ниже, ровнее и постепенно приняли настоящий свой вид. Тысячелетиями накоплялись в горах несметные богатства: железная и медная руды, золото, уголь, соль и всякие драгоценные камни. Уже Петр I обратил внимание на эти богатства, и с него началась разработка Урала. Металлы и драгоценные камни добывались на казенных и частных заводах, а то и простыми русскими людьми на свой страх.

В настоящее время на Урале свыше 100 заводов. На них добывается и обрабатывается значительная часть богатств, которыми должен владеть русский пролетариат. По последним справкам на Урале выплавлялось, например, чугуна около 50 миллионов пуд. в год, сортового железа выделялось около 40 миллионов пудов. На заводах работало около 120.000 рабочих.

Отсюда видно, какое значение имеет для нас Урал. Его богатства страшно нужны нашим фабрикам и заводам, страдающим недостатком чугуна, железа, меди и проч. металлов. Его золото и драгоценные камни нужны народной казне. Хлеб, скотина и прочие богатства нужны нашим изголодавшимся городам и селениям севера России. Но этим еще не ограничивается значение Урала. Не потому только нужен он Советской России, что там пища и сырье, что всем этим пользуется Колчак, что под его пятой страдает больше 100.000 рабочих и миллионы крестьян. Урал важен еще тем, что это крепкая стена, которая отделяет нас от Сибири, где опять-таки в руки врагов попали новые несметные наши богатства и под пятой врагов стонут наши

братья. Кто владеет этой стеной—тот имеет свободный доступ в Сибирь.

Через Урал ведут три пути. Средний—от Уфы на Челябинск, самый кратчайший и удобный. Северный путь через Пермь—Екатеринбург на Челябинск или на Тюмень,—это дальний путь. Третий путь лежит через Южный Урал, через Оренбург. Это—самый трудный путь.

Мы выбрали средний и, как гнали Колчака от Самары на Уфу, так не останавливаясь, пошли дальше: на Златоуст в

Челябинск.

Колчак оказывал упорное сопротивление. Приходилось брать с боя каждую станцию железной дороги. Он притом пытался вести искусную игру. Мы, например, шли от Самары на Уфу, он в это время хотел обойти нашу главную колонну. Когда выяснилось, что удержать нас на главном пути нельзя, Колчак повел наступление на наши фланги: от Перми на Вятку и от Оренбурга на Волгу. Этим он хотел заманить нас в сторону главного пути, заставить нас разжать наш кулак и потом уже ломать наши пальцы по частям.

Красная армия приняла этот новый вызов. Он пошел во вред самому Колчаку.

На наш левый фланг были брошены небольшие силы врага. Они притом же чувствовали себя нетвердо вдаль от главных сил, которые мы продолжали теснить все глубже и глубже в Приуральский край. Мы легко разбили их. А благодаря тому, что они стали быстро отходить, быстрее чем главные силы Колчака,

которые стойко сражались с нами на главной дороге от Уфы в Златоуст, наш левый фланг опередил середину Колчака и стал обходить ее.

Мы раз'единили и левый фланг Колчака с его серединой, при чем главные силы его правого фланга рассыпались на утек, кто на Тюмень, кто еще севернее. Мы перервали путь от столицы, Урала Екатеринбургa, в Златоуст. Главные силы Колчака дрогнули и стали быстро уже подаваться к Златоусту. Мы обошли их опять Златоустпал. Тут же пал Екатеринбург. Вся половина колчаковского фронта от

Перми до середины Урала оказалась разбитой на куски и мы пошли уже громадной скоростью (кое-где по 30 в. в день). Когда пишутся эти строки, стало уже ясным, что армия Колчака: правый фланг (сибирская армия) и середина (уфимская группа) совер-

шенно разбиты, и судьба Челябинска решена. Он будет наш!

Еще стало ясным, что Деникин на Южном фронте не может оторвать Красную Армию от Колчака, и она загонит его в Сибирь.

И еще стало ясно, что ему придется туго, потому что пожар революции в Сибири разгорается с каждым днем...

Оставался еще вопрос о левом фланге Колчака.

Мы говорили, что он выдвинулся от Оренбурга к Волге, как будто хотел выйти в тыл нашим главным силам, наступавшим на Уфу—Златоуст.

Силы Колчака здесь поддерживаются Дутовым. Необходима самая

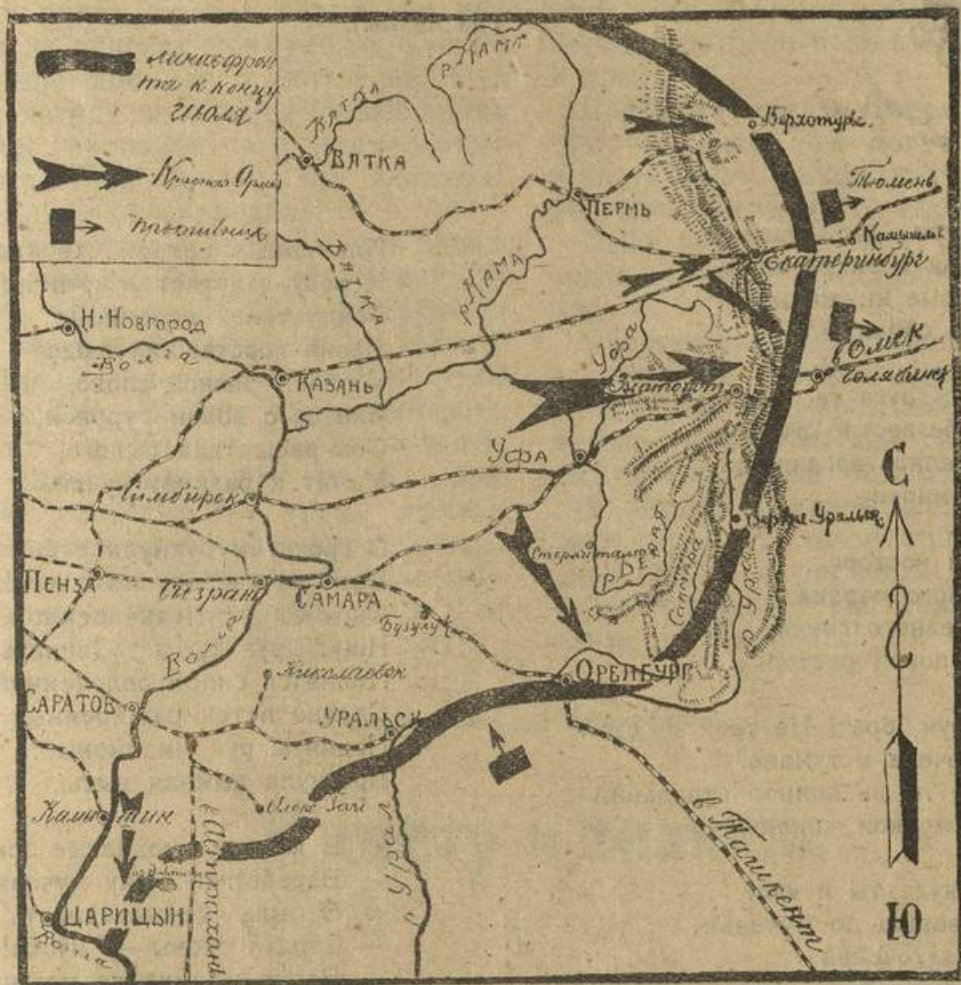
решительная борьба с ним.

И эта борьба уже началась.

А тем временем середина и наш левый фланг быстрым шагом проходят Урал и готовятся уже перевалить в Сибирь.

Урал уже наш! Сибирь будет нашей!

Баратов.

Песня.

То не сокол взвился
За лесами дальними.—
То уехал милый,
Скрылся за курганами.
И рукою белою,
Словно крылья голубя,
Мне махнул и вымолвил:
„До свиданья скорого“.
И запел соловушкой
Песню невеселую,—
Для себя разгульную,
Для меня тяжелую.
И вдруг песня громкая
Смолкла трелью дальнею.
И смотрела девица
Грустно в даль туманную...

Н. Бугров

В огне борьбы.

(Из поэмы).

В пляске бури—толп разлив.
Крепнет воля в вихре алом.
Молний острые кинжалы
Лица грозно обожгли.

Узнают друг друга те,
Кто, живя безвестно рядом,
Не обменивались взглядом,
Угасая в темноте.

Воскресения восторг...
Вьюга грозного напева...
Пламя праведного гнева,
Что глухой покой расторг...

— Здравствуй, брат! Не твой ли стон
Прозвучал вчера в тумане?

— Брат, не ты ль волной страданий
Был, как сумраком, пленен?

— Друг, откуда ты и кто?
— Твой товарищ по мученью,
Из глухого заточенья
Всплывший к радости святой.

— Как светло твое лицо!
— Как крепки стальные руки!
— Голос твой—как бури звуки!
Лоб—под пламенным венцом!

— Ты зачем покинул свой
Дом? Иль сумрак злобный душит?
— Я пришел былое рушить.
Ты со мной идешь?

— Я твой.

— Мы найдем его, найдем,
Кто, смеясь над жизнью нашей,
Правит пир, смеется, пляшет...
Укажи дорогу, гром!

И открылся красный путь
Полосою огнеструйной.
И метнулись толпы буйно,
Чтоб темницы разомкнуть!

Пламенным ветром струится,
К небу взлетает Жар-птицей,
Гонит теней вереницы
Песня восставших людей.
Гордое, грозное слово,
Слитое с волей суровой,
Сон расшатала былого,
Манит к разливу лучей.

С грохотом рухнули стены...
Все—на свободу из плена!..
Ощупью в сумраке пенном
Ищут друг друга.. Слились...
Полнятся силой сплоченной,
Словно поток раз'яренный.
Подняты рук миллионы...
Дрогнула дымная высь..

— В клочья—мохнатые тени!
— Вдребезги—чашу мучений!
— В пыль—безысходность сомнений!
— Страха оковы—в куски!
— Наши ль тела не могучи?
— Наши ли мысли не жгучи?
— Сбросим нависшие тучи,
Как роковые замки!

Борется ночь торопливо...
Плещут туманов приливы,
Бурю людского порыва
Злобно стремясь задержать.
Но отступают в бессильи...
Мрака надломлены крылья...
В муть распадаются пылью
Страха осколки, дрожа..

Прячется холода жало...
Песня грозой засверкала...
Глыбу тоски расшатала...
Рушит плотину судьбы...
В этом пылающем пеньи,
В этом победном стремленьи,
В этом огне возрожденья—
Юная сила борьбы!

Ни олай Колоколов

Красные герои.

В красных рядах против белых, во имя новой жизни на основах коммунизма,— много сражается ныне японцев и китайцев. Они добровольно вступили в ряды нашей армии и часто своим героизмом дают пример стойкости и беззаветной преданности великому делу. Наша армия—всемирная.

Один из командиров Красной армии западного фронта, как сообщают „Известия“ Великолукского совдепа (№ 65), рассказывает следующий геройский подвиг в бою коммунистов-китайцев, зарекомендовавших себя лучшими красноармейцами в красной роте.

Когда белые окружили в бою наши части, то китайцы, сплотившись в одну цепь, проявили крайнее упорство, все время отражая ружейным и пулеметным огнем атаки белых... Когда же весь запас патронов был расстрелян, то китайцы встали во весь рост и на глазах белых перестреляли друг друга...

Они пали все смертью героев, исполнив до конца свое дело и не желая сдаваться врагу в плен...

Подобные случаи героизма стали в наши дни не редки. Так могут только поступать сознательные товарищи-коммунисты, у которых коммунизм не на словах, а в душе.

Ныне до нас все чаще доходят сведения о таком героизме и в Красной венгерской армии.

Смертью подобных героев должна гордиться всемирная пролетарская армия. Подвиг этих героев не умрет: там, где умеют добровольно умирать за идеи, за убеждения—черный и белый враг бессилён.

И высшей похвалы достоин тот, кто умирает вдали от своей социалистической родины. Наша обязанность почтить их память.

Чем больше у нас таких товарищей, тем ближе наша победа!

К свету и знанию.

1. Образцовый партийный коллектив.

Такой образцовый коллектив имеется в 1-м запасном полку 5-ой армии. Коллектив ведет, как политическую, так и просветительную работу, и ведет ее в высшей степени энергично. Число членов коммунистической партии в полку—300 чел., партийных ротных ячеек имеется 45, для сочувствующих устроена обязательная партийная школа, которую ежедневно посещало до 250 чел., почти ежедневно устраивались митинги, лекции, организовано чтение газет вслух для красноармейцев.

В области культурно-просветительной работы надо отметить следующее: создан полковой клуб имени тов. Троцкого, который хорошо посещается красноармейцами, создана полковая библиотека, которая ежедневно выдает до 130 книг, абонементов в библиотеке—982 чел.; в ротах устроено до 30 маленьких библиотек. При клубе работают 4 секции: 1) любителей природы, 2) любителей драматического искусства, 3) любителей музыки 4) любителей спорта. С 24 апреля по 25 мая распространено бесплатно 82.000 и 3.000 брошюр.

Издается газета „Красноармейская Правда“, которая служит трибуной, где пробуют свои силы молодые литераторы из среды красноармейской массы. Из газеты видно, что работа коллектива дает уже осязательные результаты:

ведется по инициативе самих красноармейцев беспощадная борьба с картежной игрой, заметно повысился культурный уровень полка, растет боевое настроение, многие части просят о скорейшей отправке на фронт, а нестроевая рота постановила отчислять по 1/2 фун. хлеба с человека в пользу детей из центральных губерний, и пожертвовать для них 10-рублевые первомайские наградные.

Энергия даром не пропадает, и если бы во всех полках, и во всех уголках Советской России велась бы такая же неустанная работа, то от Колчаков, Деникиных, и всех белогвардейских банд не осталось бы и следа.

2. Летучий Клуб.

Во 2-ой Армии Восточного фронта, т.т. красноармейцы ухитрились устроить клуб на самом фронте. Открыли клуб в крестьянской избе. Хотя клуб и просуществовал один день (на другой день наши стали наступать дальше), но принес большую пользу. Разложенные на столе газеты и журналы разбирались на расхват. Более грамотные и сознательные читали вслух и разъясняли содержание прочитанного малограмотным.

Завязалась живая товарищеская беседа. Коммунист М. сделал доклад о текущем моменте, а один красноармеец из украинцев рассказал, как они на юге отвоевали свободу.

не имея даже оружия. Затем разошлись довольные и веселые с пением революционных песен.

3. Театр на фронте.

Петроградский Окружной Военный Комисариат организовал из военно-обязанных артистов несколько передвижных трупп, которые будут объезжать фронт и дадут возможность товарищам фронтовикам отдохнуть от тягот боевой жизни. Для всех фронтовых спектаклей выработана особая программа из хороших и доступных пьес, не требующих сложных постановок.

4. Хорошее начинание.

В 5-ой Армии во многих полках организовано чтение вслух для красноармейцев. Коммунистическая ячейка Волжского полка постано-

вила привлечь к этой работе всех коммунистов и уклоняющихся привлекать к ответственности за нарушение партийной дисциплины.

Такое же решение вынесено и в коммунистической ячейке N полка и на коммунистов возложена особая повинность: вести политическое собеседование с красноармейцами, а более развитые должны читать лекции.

Товарищи должны помнить, что знание такое же оружие в наших руках, как и винтовка, а невежество и темнота народная — наш главный противник. От темноты — дезертирство, от темноты — Колчак и Деникин. Но революция ярко зажгла свой факел, и ее огонь победит народную темноту. Только каждый из нас красноармейцев должен работать не покладая рук над просвещением своим собственным и своих более отсталых братьев. Рассеется темнота, кончится и наша война.

Рожь.

Волнуется, как море золотое,
Под солнцем зреет рожь,
Над нею ночью небо голубое
Зарницы беглой дрожь.
Шумят, шумят колосья наливные,
Волна к волне идет,
И вольный ветер песни гулевые
В них, шелестя, шлет.
Июльский месяц, вымывшись росой,
Уж глянул на ущерб, —
Взнесен теперь над каждой полосой,
Железный звонкий серп.
Теперь — твой труд, твоя пора, крестьянин,
Сбери свой урожай!

Но чуток будь: твой страдный день туманен, —
Враги идут в твой край!
Вон, за бугром блестят штыки стальные,
Все ближе, ближе, — вот,
Склоняются колосья золотые,
Стрекочет пулемет..
Но слышишь? чу! Там у лесной опушки
Дрожит, гудит земля,
Тяжелым гулом огласили пушки
Широкие поля.
И, дрогнув, без оглядки враг опасный
Уже назад бежит, —
Крестьянин, верь, что Воин Красный
Твой урожай хранит.

В. Берестов.

Или винтовка в
руках, или цепи на
руках.

Если хочешь победить
голод, ПОБЕДИ
ВРАГА.

КТО ДЕЗЕРТИРУЕТ с красного фронта, тот предаст Красную Армию губит Красную Республику и самого себя.

Война и заразные болезни.

Как давно уже известно, всякого рода заразные болезни чаще всего вспыхивают во время войн. Этому, главным образом, способствует: огромное скопление людей, находящихся в тесном общении между собой, при утомительных и тяжелых условиях походной жизни, а также—громадное распространение в армиях паразитов, переползающих при тесноте с одного на другого и приносящих с собою разные заразы.

Острые кишечные заболевания.

Из разного рода заразных заболеваний, вспыхивающих в военное время, можно выделить группу кишечных болезней.

Последние чаще появляются в теплое летнее и осеннее время; к зиме же они ослабевают или даже совсем прекращаются.

Сюда относятся: холера, дизентерия, брюшной тиф и др.

ХОЛЕРА.

Кем она вызывается?

Холера—это тяжелое заразное заболевание кишечника человека. Она развивается вследствие того, что сюда попадает (из воды, из гнилой пищи и пр.) холерный бацилл *).

Последний имеет вид запятой, как она печатается в книгах.

Эту запятую в большом количестве можно найти во рвоте, поносе и на белье холерного больного. Она встречается и в гниющей пище, а также—в воде рек, колодцев и прудов, куда они заносятся вместе с извержениями холерных больных.

Как узнать холерного больного?

Картина этой болезни такова: сперва появляется понос, длящийся несколько дней; вначале, он бывает без болей, а впоследствии сопровождается сильными болями. На языке появляется белый налет; больной испытывает усиленную жажду, тяжесть в желудке и тошноту. Потом появляется головная боль, шум в ушах; начинается сильное потягивание в икрах (впоследствии оно переходит даже в судороги) и сильное охлаждение ног. Количество мочи резко уменьшается.

Постепенно, испражнения теряют свой обычный желтый цвет и делаются очень жид-

кими и бесцветными, начинают напоминать рисовый отвар. Появляется сильная рвота: сначала—принятой пищей, а потом просто бесцветной жидкостью. К прежнему недомоганию прибавляется беспокойство и сильное сердцебиение, пульс становится слабым и частым, как бы тревожным; температура сильно падает.

Впоследствии черты лица резко обостряются и приобретают синюю окраску; губы становятся темно синими, почти черными. Также синеют: уши, руки, ноги; ступни же ног становятся темно багровыми.

Дальнейшее течение болезни бывает различное: или все эти явления ухудшаются, больной лежит в полузабытьи с приоткрытыми глазами; сердце начинает работать все слабее, кожа покрывается холодным липким потом, и больной умирает.

Или же—рвота и понос понемногу прекращаются; все явления улучшаются, и больной постепенно начинает выздоравливать.

Такова обычная картина холеры. Но иногда она проявляется в такой легкой форме, что больные даже не подозревают всей серьезности своего заболевания, считая его лишь легким поносом; и поэтому, не обращаются за советом к врачу, не остерегаются и заражают холерой также окружающих.

Поэтому, во время холерной эпидемии, при первом же появлении поноса—надо тотчас же обратиться к врачу.

Каким путем передается холера и как от нее можно уберечься?

Через воздух холерная зараза не передается. Поэтому, можно долгое время находиться в одной комнате с холерным больным и не заразиться. Надо только очень остерегаться, чтобы как-нибудь в рот не попала частичка его рвоты или извержений—быть поосторожнее с его бельем, часто запачканным извержениями (напр. если держать его грязное белье, а потом не мытыми руками взять кусок хлеба, то вместе с пищей вносится зараза в рот). Лучше—также не пользоваться клозетом, в который ходит больной, так как сиденье может быть забрызгано его выделениями.

Во время холерной эпидемии надо быть крайне осторожным в образе жизни: надо особенно остерегаться расстройства желудка и появления поноса. Особенно важно—не употреблять во время холеры некипяченой воды, а также—несвежих продуктов. Если же совершенно свежих нельзя достать, то надо их хорошенько прожарить или проварить, чтобы уничтожить заразу. Так как заражению холерой способствует ослабление

*) *Примечание:* Бациллом назыв. мельчайшее (которое можно видеть лишь под микроскопом) живое существо, вызывающее какую-нибудь болезнь. Почти каждое заболевание имеет своего специального бацилла.

организма вообще, то в холерное время надо остерегаться простуды, нельзя переутомляться и нужно быть умеренным в пище.

Наконец, крайне важно соблюдать безусловную чистоту: как своего тела, белья, одежды, так и квартиры, двора, клозета и пр., так как чистота охраняет от всех заразных заболеваний, а в том числе—и от холеры.

Хорошим средством для обеззараживания клозетов, помойных ям и пр. являются: карболовая кислота и гашенная известь (комки извести растворенные в воде).

Холерного больного лучше всего немедленно отправить в больницу: чтобы не заразить окружающих, а кроме того, и уход в больнице обыкновенно бывает лучший. Никаких оснований не имеет суеверный страх перед больницей, часто наблюдаемый среди масс. Статистикой (общим подсчетом) издавна установлено, что в больницах холерные больные гораздо реже умирают, чем при (часто неудобной) домашней обстановке.

ДИЗЕНТЕРИЯ.

Картина болезни.

Эта болезнь в нашем умеренном климате вызывается бациллом, имеющим вид палочки, которая, попадая в нижнюю часть толстой кишки человека, вызывает здесь катарр, т. е. (воспаление) слизистой и подслизистой оболочки ее, а также—появление язвочек в ней. При этом, воспаление захватывает меньше $\frac{1}{2}$ метра ($\frac{3}{4}$ аршина) ее длины.

Характерными признаками этой болезни являются три: 1) учащенные, сильно болезненные позывы на низ, сопровождаемые очень малым количеством извержений; 2) обилие слизи в испражнениях и 3) наличие крови в них. Если налицо все эти признаки, то можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с дизентерией.

При этом, количество извержений, как было сказано, бывает не обильное; иногда—одна „капля“, по выражению больных. Число же позывов на низ бывает большим, обыкновен-

но 10—20 раз в течение суток, часто—еще больше. Если же число позывов меньше 10 раз в сутки, то это—скорее, не дизентерия, а какое-нибудь другое, более легкое, воспаление кишек.

Лечение и правильное питание дизентерийных больных.

Если не лечить дизентерию, то она тянется около 20 и больше дней. При разумном же лечении она может быть прекращена уже через 2—3 дня. Лучшим и самым дешевым лекарством при ней является глауберова соль.

В начале болезни больному нельзя давать никакой твердой, раздражающей кишечник пищи. Лучше всего давать ему хорошо приготовленный мучной суп или тщательно процеженный рисовый отвар (можно давать процеженный отвар и из других круп). Для утоления его усиленной жажды, можно давать ему жидкий чай.

По мере выздоровления, ему начинают давать сухарик, яйцо в смятку, жидкую кашу и пр. Осторожность в пище лучше соблюдать первое время даже после его полного выздоровления.

Как уберечься от дизентерии.

Меры предохранения при ней—те же, что и при холере: надо соблюдать везде и во всем абсолютную чистоту, не пить сырой воды, не употреблять в пищу несвежих продуктов, остерегаться простуды, не переутомляться, быть умеренным в пище, не пользоваться одними клозетами с дизентерийными больными, а если другого клозета нет, то обмывать сиденье карболовкой и пр. и пр.

При соблюдении всех этих мер можно даже в самый разгар эпидемии уберечься от заразы.

С помощью этих же мер предосторожности можно уберечься и от брюшного тифа и от других желудочно-кишечных заболеваний, о которых поговорим в другой раз.

Р. Рейхрудель.

ПОЧТА КРАСНОАРМЕЙЦА

Тов. Матюкову. Ваше письмо очень длинно. Напечатать его поэтому мы не можем, но так как в нем содержится много верных замечаний, то мы передали это письмо председателю В. Ц. И. К. тов. Калинин. Вам же по поводу этого письма считаем необходимым ответить следующее:

Все недостатки, которые вы подметили в нашей тыловой жизни, действительно существуют. Верно то, что на советской службе пристраиваются спекулянты, которые злоупотребляют своими полномочиями, верно то, что в наших советских учреждениях много канцелярищи и неразберихи, верно, что у нас есть много уклоняющихся и саботажников, верно, что во многих местах Сов. России до сих пор еще существует полная свобода торговли, от которой сыта только буржуазия, а рабочим нет никакого проку. Все это верно, товарищ. Но отчего все это происходит. По вашему мнению во всем виноваты вожди, которые не следят достаточно бдительно за всеми нарушающими революционный порядок.

На самом деле это не так. Вождям нельзя разорваться, им некогда уследить за всеми. Им некогда везде, во всем, каждую мелочь наладить. В этом им должны помочь массы. А массы еще недостаточно подготовлены для этого. Рабочие и крестьяне не учились, ведь,

раньше управлять страной. И теперь им приходится, управляя, учиться; вот отчего и бывает часто так, что не знают они с какого конца к делу подойти. От этого же и уследить трудно честным и добросовестным работникам за всеми нечестными и недобросовестными. И мало того, что среди нас, трудящихся, мало умелых людей; среди нас есть еще много людей несознательных, которые не понимают в чем их польза и в чем вред, кто им враг и кто друг, и сплошь-и-рядом вместо того чтобы помогать Советской власти налаживать жизнь, ставят ей палки в колеса.

Вот подумайте над этим, товарищ, и тогда вы поймете, что в наших беспорядках виноваты далеко не одни наши вожди, но и все мы. Все мы, трудящиеся, должны строить новую Советскую Социалистическую Республику, все мы за нее должны и ответ держать.

Тов. Филяеву. Видно, что у вас есть способность писать стихи, но нет еще умения

и опыта. Читайте побольше, вдумывайтесь в чужие стихи. Может быть тогда что-нибудь у вас и выйдет. А пока стихов ваших напечатать не можем.

Тов. Фролову и Сушику. За приветствие спасибо. Но стихи ваши слабы: напечатать не можем.

Герои Красной армии.

Тов. Железняков.

На Екатеринославском фронте, около станции „Верховцево“, убит командир бронепоезда, матрос Анатолий Григорьевич Железняков. Тов. Железняков был анархист по убеждениям, но работал все время совместно с коммунистической партией.

В начале революции тов. Железняков был членом морского революционного комитета; в октябре он был одним из деятельнейших участников рабоче-крестьянской революции.

На первом и единственном заседании российской учредилки он был начальником караула, и по его властному требованию члены учредилки покорно разошлись.

После разгона учредительного собрания Железняков борется против контр-революции на юге, командует здесь геройским отрядом красноармейцев.

Весной 1918 г. он возвращается в Кронштадт и выступает там против контр-революционных агитаторов, агентов казенного по приговору Военно-Революционного Трибунала адмирала Щасного.

Затем он снова бросается на фронт.

Горячий революционер, он всегда там, где волны революции вздымаются все выше и где опасность больше.

Погиб тов. Железняков при следующих обстоятельствах. В бою под Екатеринославом его бронепоезду был отрезан путь отступления. Тов. Железняков приказал команде бронепоезда прорваться или погибнуть. При прорыве через линию неприятеля тов. Железняков, желая обезвредить орудие белогвардейцев, стрелявшее в упор по его бронепоезду, высунулся из башни и выстрелами из револьвера перебил офицеров, стрелявших из орудия, и тем спас броневик от гибели, но в этот момент был смертельно ранен.

Его последними словами были: „Да здравствует и живет Советская Россия!“

Красный летчик.

26 июля на Северном фронте погиб во время выполнения боевого задания летчик тов. Георгий Константинович Кураков.

Слесарь, сын рабочей семьи, он всю свою

жизнь был революционером и боролся за рабоче-крестьянское дело.

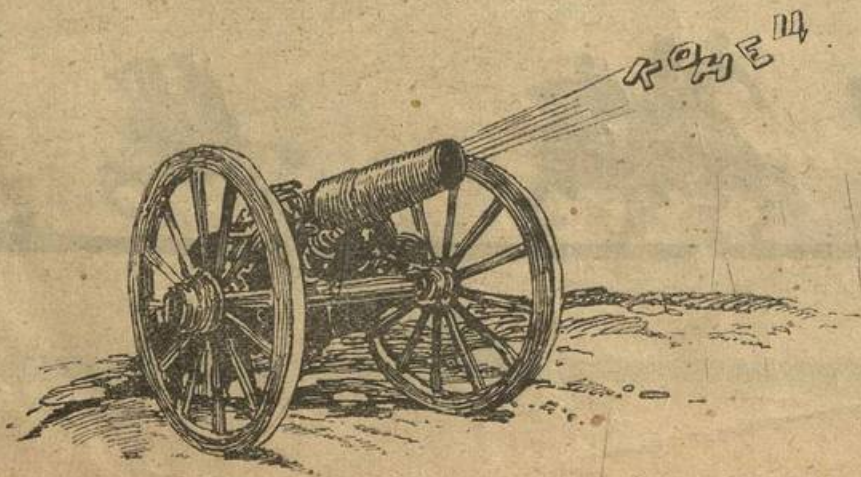
В период революции он находился в Румынии, где разбойничьи королевские румынские войска задержали его, как пленного. Вырвавшись из румынского плена, он попадает в другой плен, к украинскому Петлюре. Петлюра насильно мобилизует его, но он забывает, что у тов. Куракова есть крылья. В начале 1919 года перелетел он на своем аппарате в Красную армию, и с тех пор стал неутомимым бойцом в ее рядах.

Он очень любил свою стальную птицу, всегда держал аэроплан в порядке, но 26 июля во время боевого полета он разбился на смерть от сильного ветра и плохого качества смеси.

Торжественно похоронили красного героя вологодские товарищи. У многих близких его товарищей щемило сердце от этой утраты, но у всех было чувство готовности твердо стоять за то дело, за которое боролся погибший тов. летчик.

Слава красным героям!

В ночь на 15 июля, пользуясь темнотой, противник в составе трех тысяч всадников подошел в упор к цепи красного N-ского полка, одновременно открыв адский ружейный и пулеметный огонь; завязалась горячая схватка в рукопашную; бой продолжался два часа, противник не выдержал и дрогнул; сгруппировав вновь силы, он бросился в атаку, вторая атака благодаря героизму рабочих и коммунистов была выдержана: раненый командир полка, коммунист Космовский, перевязал раны и вновь бросился в атаку, в рукопашной схватке был изрублен казаками; помощник командира полка Фокин принял командование, но тоже был ранен, а лошадь под ним убита, тогда, собрав силы, сел в повозку и, раз'езжая по фронту, руководил боем. Бой длился 20 часов. Дрались наши санитары, врачи, фельдшера. Санитарка Утехина расстреляла патроны, убив десять казаков, в рукопашной была зарублена. Фокин—офицер старой армии, самоотверженно работающий по формированию Красной армии. Слава красным героям, коммунистам и рабочим!

Богатей с попом брюхатым
 И с помещиком богатым
 Из за гор издалека
 Тащут дружно Колчака.

Радость сытым, радость пьяным,
 Кнут рабочим и крестьянам.
 Пыль вздымая сгоряча,
 Тащит тройка палача.

„Союзники признают Колчака только наполовину“.

(Из газет.).

ДОНЕЦКИЙ УГОЛЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАШ!

НЕТ УГЛЯ - СТОЯТ ФАБРИКИ.

НЕТ УГЛЯ СТАНУТ ПОЕЗДА

ПОКУДА ДОН НЕ НАШ -
ГОЛОД С НАМИ.

ПОБЕДА НАД ДЕНИККИНСКИМИ БАНДАМИ ПОБЕДА НАД ГОЛОДОМ

Издатель:

Литер.-Изд. Отд. Полит. Управл. Реввоен. Сов. Республики

Редактор:

Редакционная Коллегия

1917
17